

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ П.Л. ЛАВРОВА

Попов А.С., Попова Т.И.

Россия, Мичуринский государственный аграрный университет
izh27m@yandex.ru

Одним из основоположников «субъективной социологии» в России по праву считается П.Л. Лавров. Отечественный исследователь народнической социально-философской и общественно-политической мысли Н.С. Русанов писал, что он обладал «одной из самых энциклопедических голов, какие только существовали в России» [8, с. 267]. Основными методологическими установками для него являлись признание существенной роли научного познания в сфере общественной жизни. Лавров стремился разрабатывать собственную социальную философию с учетом реалий пореформенной России и сосредоточил внимание на ее практической значимости, поскольку являлся ученым-теоретиком.

Мировоззрение Лаврова формировалось на основании целого ряда идей различных философских школ и направлений (Протагора, О. Конта, Л. Фейербаха и А. Ланге и т.д.). Как правило, историки русской мысли, а также идеологические оппоненты Лаврова указывают на эклектизм его философского кредо [5, т. 1, с. 435], [6, т. 1, с. 3–4], [9, т. 4, с. 86]. Обоснованной является и противоположная позиция, свидетельствующая о том, что элементы воспринятых им систем были переосмыслены, и включены в единую концепцию, основанную на так называемом «антропологическом принципе», ставящем «в основе цельную человеческую личность или физико-психическую особь, как неоспоримую данную» [1, с. 197]. Сам Лавров рассматривал собственную концепцию «лишь как пробу антропологического построения философии как цельной системы» [2, с. 489].

Обосновывая базовые положения собственного мировоззрения, отечественный мыслитель рассматривает традиционные разделы философского знания в антропологическом аспекте. «Теоретическая философия представляла человека как личность действительную, познающую и мыслящую. Практическая философия представляла его как личность сознательно свободную, творческую и человеческую (т.е. художественную и справедливую), философия истории представляет его как личность, развивающуюся в отношении сознания всех своих предыдущих качеств» [2, с. 489]. Антропологическая направленность его мировоззрения основывалась на признании биосоциального дуализма человека.

По мнению Лаврова, данная философская позиция может способствовать наиболее адекватному теоретическому познанию объективной реальности. Так, по его мнению, «философия в знании есть построение всех сведений в стройную систему, понимание всего сущего как единого, единство в понимании. Философия в творчестве есть внесение понимания мира и жизни в творческую деятельность, воплощение понятого единства всего сущего в образ, в стройную форму, единство мысли и формы. Философия жизни есть осмысление ежедневной деятельности, внесение понимания всего сущего как единого в нашу деятельность, воплощение понятого единства всего сущего в практический идеал, единство мысли и действия» [2, с. 571]. Существенное влияние на общественно-политические и социально-философские взгляды Лаврова оказала полемика западников и славянофилов 40-х годов XIX века о путях развития России. В этот период он знакомится и с социально-утопической теорией Ш. Фурье.

В.В. Зеньковский для характеристики особенностей мировоззрения народнического мыслителя вводит понятие «полупозитивизм», подчеркивая, что «этическое сознание у П.Л. Лаврова было страстным, глубоким и категорическим, а философское осмысление было заранее ослаблено позитивистическим складом мысли» [4, т. 1, с. 158]. Для разработки собственной теории Лавров не ограничивался анализом исключительно философских концепций. В своих теоретических построениях он широко использовал данные частных отраслей знания. Это свидетельствует и о его интересе к позитивизму, ряд положений которого, тем не менее, им критиковались. Например, основным недостатком позитивистского стиля мышления Лавров считал его «эмпирический характер, вследствие которого он может лишь увертками ответить на основные вопросы о своем методе и о своем праве на существование» [7, с. 24]. Таким образом, отрицание значимости основного вопроса философии являлось, по его мнению, признаком слабости позитивизма в методологическом плане. Вместе с тем, в исследованиях советского времени укрепилось мнение, согласно которому Лавров не смог дать позитивизму обстоятельной критики, поскольку сам занимал непосредственную философскую позицию [3, с. 346–347], [10, с. 16–17]. Подобная точка зрения, не-

смотря на основательную аргументацию, по-видимому, несколько упрощенно истолковывает основные аспекты мировоззрения мыслителя.

По мнению русского мыслителя, только сблизившись с наукой, философия может иметь практическое значение для общества: «философия, которая, таким образом тесно свяжет свое построение с завоеваниями науки и с критическими системами научного метода, будет, вероятно, единственной философией, годной для нового человечества в его настоящем развитии» [2, с. 392]. Лавров считал, что «философия опирается на науку и ею питается. Из фактов последней философия строит одно стройное целое, не имея права ничего выкинуть, ничему противоречить. Чем она ближе к науке, тем она проще, нагляднее, убедительнее. Чем более разработана какая-либо часть науки, тем менее к этой отдельной части остается сделать философии; факты сами подсказывают и обязывают мыслителя к такому, а не к другому роду построения. Итак, научное основание должно предшествовать зданию философии» [2, с. 467].

Для установления степени влияния позитивизма на мировоззрение Лаврова актуальным представляется выделить основные теоретические аспекты этого направления, усвоенные русским мыслителем. Это будет способствовать также более адекватному пониманию критики отечественным философом объективно-идеалистических построений Гегеля, о чем речь пойдет ниже. Умозрительный характер знания, выработанного в рамках предшествующей традиции, его несоответствие критериям научности явились не только основаниями для критики, но и объективно способствовали формулированию представителями позитивистской методологии собственной позиции, отличной от гносеологических установок философских направлений прошлого. В этом смысле совершенно справедливо замечание А.И. Юдина о том, что первый позитивизм выступив с программой отрицания традиционных философских концепций как ненаучных, проводил грань между теорией, опирающейся на фактические данные, и теорией, выходящей из уровня соответствия фактам. Первую позитивизм называл научной, вторую – метафизической теорией. Именно такое понимание научности и метафизичности было воспринято Лавровым [12, с. 97].

Отечественным мыслителем был также положительно воспринят отказ представителей позитивизма от разрешения проблемы отношения сознания к бытию, духовного к материальному вообще. Немаловажным моментом для понимания мотивов критики Лавровым предшествующей позитивизму традиции является его точка зрения на сущность материализма и идеализма как противоположных философских направлений. Материализм и идеализм его не устраивают как продолжение собственно философской традиции, претендующей на решение основного вопроса философии, неразрешимого с позиций позитивистской методологии. Философ в духе позитивизма отдает приоритет науке, как особому виду познавательной деятельности.

Для установления степени влияния позитивизма на мировоззрение Лаврова актуальным представляется выделить основные теоретические аспекты этого направления, усвоенные русским мыслителем. Это будет способствовать также более адекватному пониманию критики отечественным философом объективно-идеалистических построений Гегеля, о чем речь пойдет ниже. Умозрительный характер знания, выработанного в рамках предшествующей традиции, его несоответствие критериям научности явились не только основаниями для критики, но и объективно способствовали формулированию представителями позитивистской методологии собственной позиции, отличной от гносеологических установок философских направлений прошлого. В этом смысле совершенно справедливо замечание А.И. Юдина о том, что первый позитивизм выступив с программой отрицания традиционных философских концепций как ненаучных, проводил грань между теорией, опирающейся на фактические данные, и теорией, выходящей из уровня соответствия фактам. Первую позитивизм называл научной, вторую – метафизической теорией. Именно такое понимание научности и метафизичности было воспринято Лавровым [12, с. 97].

Литература

1. Лавров П.Л. Собрание сочинений. Пг., 1917. Сер. 1. Вып. 2.
2. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1965.
3. Галактионов А.А.? Никандров П.Ф. Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989.
4. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д., 1999–2000.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1958–1965.
6. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М., 1954–1966.
7. Рапопорт Х. Социальная философия Петра Лаврова. СПб., 1906.
8. Русанов Н.С. П.Л. Лавров, человек и мыслитель // Русское богатство. 1910. № 2. С. 220–256.
9. Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения: в 3 т. М., 1950–1951.

10. Щипанов И.Я. Философия и социология русского народничества. М., 1983.
11. Юдин А.И. Проблема обоснования общественного идеала в социологии Н.К. Михайловского. Тамбов, 1997.
12. Юдин А.И. Социальная философия П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского (историко-сравнительный анализ): дис. ...д.филос.н. М., 2000.